ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ CXXII.

1910

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1910

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ МИНУВШАГО ВѢКА.

I.

Чрезвычайно рѣдкій, интересный, отжившій типъ добраго стараго времени представляла собой словоохотливая владѣлица хутора Лѣнчика, бабушка наша Аграфена Антоновна.

Она собственно и не приходилась намъ бабушкой, такъ какъ была дядиной (то есть, женой дяди) нашего отца—но бездѣтная, любвеобильная, она всегда съ такой нѣжностью относилась къ намъ «внучаткамъ, голубяткамъ своимъ», что мы звали ее «своей бабушкой», любили поѣздки къ ней на хуторъ.

Для насъ это было цѣлое путешествіе, потому что намъ, жившимъ въ противоположномъ концѣ уѣзда, приходилось сначала ѣхать въ городъ и только, выкормивъ тамъ лошадей, къ вечеру продолжать путь.

Радостное настроеніе овладѣвало обыкновенно нами, когда мы, проѣхавъ верстъ пять по большой дорогѣ, сворачивали возлѣ старой, безверхой вербы на проселочную. Колея, густо заросшая жесткой травой, была такъ незамѣтна, что надо было очень внимательно вглядываться въ вербы, чтобы замѣтить, за которой именно слѣдовало сворачивать круто влѣво.

Версты за двѣ отъ хутора начинался лѣсъ бабушки. Такихъ исполинскихъ вѣковыхъ дубовъ не запомню! Каждый изъ нихъ мнѣ казался однимъ изъ тѣхъ гигантскихъ баобабовъ, о которыхъ я знала по учебнику географіи Смирнова. Заслышавъ еще издали стукъ экипажа и конскій топотъ, чуткія, злыя хуторскія собаки

поднимали неистовый лай, среди котораго я всегда узнавала хриплый басъ «Злюки», сварливой старой овчарки, который покрывалъ всѣ остальные голоса.

Такъ какъ съ заходомъ солнца закрывались тяжелымъ засовомъ тесовыя ворота, то обыкновенно долго приходилось ждать прихода Савки (довѣреннаго лица бабушки, кого-то въ родѣ старосты), который съ суровымъ окрикомъ на собакъ: «цыцъ, да ну бо-годи», гремя ключами, гостепріимно открывалъ тяжелыя ворота.

Съ лаемъ и визгомъ кидаясь подъ лошадей, свирѣпая свора мѣшала подъѣхать къ крыльцу. Оповѣщенная о пріѣздѣ дорогихъ гостей, бабушка уже стояла на верхней ступенькѣ, обрадованная пріятнымъ сюрпризомъ, веселая, торжественная... Энергично разогнавъ кнутомъ Злюку, Разбойника, Рябого и всѣхъ прочихъ, Савка принимался высаживать изъ экипажа папу, меня, меньшихъ сестеръ и няню съ меньшимъ братомъ. На порогѣ, для привѣтствія гостей, появлялась степенная, во всемъ черномъ, самое приближенное лицо бабушки—домоправительница Ариша. Предложивъ гостямъ занять комнаты и размѣститься по своему усмотрѣнію, бабушка спѣшила отдавать нужныя приказанія.

Старинный, помѣстительный, уютный хуторской домъ, съ нѣкоторой претензіей на щегольство и комфортъ, всегда нравился мнѣ, своей особенностью, своимъ несходствомъ съ другими—новѣйшими, въ которыхъ проходило дѣтство мое.

Давно это было... лѣтъ 50 тому назадъ, а въ моей памяти живо, ясно сохранилось воспоминаніе о маленькой прихожей, съ огромными ларями; угольномъ залѣ въ пять оконъ, уставленномъ старыми, свѣтлыми стульями корельской березы, филейными занавѣсками, съ тѣми столами въ промежуткахъ, которые, имѣя видъ ломберныхъ, могли, благодаря опущеннымъ крыльямъ, быть большими овальными. Помнится мнѣ гостиная, имѣвшая черезъ балконъ ходъ въ садъ, гдѣ находились два большихъ дивана и цѣлый рядъ съ высокими прямыми спинками краснаго дерева, тяжелыхъ креселъ съ сидѣніями, обитыми какой-то жесткой, пестрой, шерстяной матеріей, съ черными рисунками по красному фону. За гостиной слѣдовала угловая столовая съ необыкновеннымъ посуднымъ шкапомъ, замѣнявшимъ буфетъ. Онъ поражалъ меня особенностью своей конструкціи и своею помѣстительностью, безчисленностью частыхъ полочекъ за широкими стеклянными дверцами, на которыхъ удивительно симметрично размѣщены по сортамъ: чашки, рюмки, стаканы и прочее. Откинутая доска нижняго яруса могла служить одновременно подносомъ и столомъ. За столовой слѣдовала большая парадная, спальная бабушки, обращенная въ пріемную для гостей, и затѣмъ по коридору слѣдовалъ цѣлый рядъ небольшихъ внутреннихъ комнатъ съ выходомъ черезъ сѣни на заднее крылечко.

Особенностью этого дома были необыкновенно блестящіе, наподобіе паркетныхъ, полы, которые были всегда такими скользкими, что ходить можно было только по разостланнымъ дорожкамъ (половикамъ мѣстнаго производства). Во всѣхъ комнатахъ висѣли старинныя иконы съ темными ликами святыхъ, предъ которыми теплились примитивныя лампады въ видѣ маленькихъ стеклянныхъ стаканчиковъ, вставленныхъ въ мѣдные обручи. И простенькія лампады, и темные портреты съ потускнѣвшими красками, на которыхъ нельзя было разсмотрѣть лицъ, и большіе подсвѣчники въ видѣ шандаловъ, и комоды съ мѣдными узорчатыми ручками и бляхами,—все, вмѣстѣ взятое, вполнѣ гармонировало съ внѣшнимъ видомъ бѣленькаго хуторского дома подъ соломенной крышей, преимущество которой предъ желѣзной было: лѣтомъ—прохлада, зимой—тепло.

Необыкновенное оживленіе вносилъ постоянно нашъ пріѣздъ въ уединенный хуторъ. По коридору слышались торопливые шаги босыхъ ногъ проворныхъ Ганьки, Мотры, племянницъ Ариши, едва успѣвавшихъ исполнять разнообразныя приказанія своей барыни. Съ необыкновенной поспѣшностью бѣгали онѣ съ крылечка въ кухню, погребъ, ледникъ.

Возвращая бабушкѣ связку большихъ ключей отъ сараевъ, всегда докладывалъ Савко о выдачѣ овса лошадямъ, объ удобномъ размѣщеніи ихъ въ конюшнѣ, изъ которой онъ своихъ коней временно переводилъ въ какой-то загонъ. Бабушкѣ понравилась догадливость Савки, которому дано было уполномочіе принять на себя угощеніе пріѣзжаго кучера.

Въ столовой, куда мы, уставшіе, изрядно проголодавшіеся, заглядывали не одинъ разъ, былъ накрытъ столъ и разставлено сливочное масло, большіе ломти мягкаго чернаго хлѣба, громадный кувшинъ молока и тѣ чудные сухарики изъ пасхи, которые бабушка на 300 желткахъ печетъ къ Свѣтлому празднику и бережно сохраняетъ въ особыхъ ящикахъ, для рѣдкихъ дорогихъ гостей.

Появляется давно ожидаемый самоваръ... Бабушка, къ великому удовольствію, занимаетъ свое мѣсто за столомъ, за которымъ уже давно, безъ приглашенія, размѣстились мы, дѣти. Медленно, одна за другой, перетираетъ бабушка тѣ старинныя чашечки, въ формѣ стаканчиковъ или, вѣрнѣе, помадныхъ баночекъ, съ чудной позолотой внутри и съ видами не то Рима, не то Карѳагена, съ изображеніемъ въ краскахъ: колоннъ, портиковъ, храмовъ и очень забавныхъ человѣчковъ. (Такихъ чашечекъ, пожалуй, не отыскать въ настоящее время и у антикварія). Покончивъ съ чашечками, испытывая наше терпѣнье, начинаетъ она доставать одну за другой серебряныя ложечки, въ стилѣ рококо, съ изображеніемъ рога изобилія и маленькихъ розочекъ, разсказывая при этомъ намъ, какъ дня за два (кажется, противъ пятницы) видѣла она вѣ-

щій сонъ, истолкованный, какъ неожиданная, радостная случайность.

Ариша, стоя въ дверяхъ, угадываетъ наше нетерпѣніе.

— Да ну бо, барынечка, годуйте швидче дітокъ, [1])—говорила она.

Бабушка, вспомнивъ о насъ, начинаетъ тотчасъ спѣшно разливать молоко по стаканчикамъ, предлагать большіе сухари, сдобную булку и прочее,—спѣшитъ налить чаю намъ.

Въ комнатѣ, освѣщенной двумя свѣчами въ высокихъ шандалахъ, съ мерцающимъ огонькомъ лампады, намъ, привыкшимъ къ свѣту лампъ, кажется совсѣмъ темно.

Насъ клонитъ ко сну... Мы заявляемъ бабушкѣ, сестра и я, что мы хотимъ занять оба дивана въ гостиной и спать однѣ, съ расчетомъ встать пораньше и еще до чая сбѣгать въ лѣсъ.

— Гдѣ хотите, голубятки мои, воля ваша...

Но Ганька и Мотра оказались сообразительными, на всякій случай притащили уже туда цѣлый ворохъ подушекъ, перинъ, простынь и одѣялъ.

Хочется спать... Самоваръ перестаетъ шумѣть, а въ залѣ спѣшно накрывается столъ для ужина, и объ отказѣ отъ него бабушка и слышать не хочетъ, такъ какъ она заказала обычное меню: куриную лапшу, котлеты и воздушный пирогъ изъ малиноваго сиропа. Младшаго брата няня осторожно уноситъ въ постель. Намъ, старшимъ, надо доужинать. Ѣсть не хочется, а отказываться нельзя... Папа проситъ и для насъ позволенья спать... Бабушка нехотя, перекрестивъ насъ, отпускаетъ. Мы, уже засыпая, продолжаемъ слышать ея голосъ въ залѣ. Она такая словоохотливая, что намъ приходится только слушать ее.

Утромъ мы встаемъ рано... Всѣ—Злюка, Разбойникъ и прочіе—на привязи, и мы можемъ безопасно, безпрепятственно отправляться куда угодно. Спускаемся въ садъ... Особенный онъ какой-то... Густо заросшій кустами сирени, жимолости, жасмина, шиповника. Запущенный, дикій, съ тропинками вмѣсто дорожекъ, съ травой высокой, сочной, обильно покрытой росой, онъ удивительно живописенъ, такъ какъ расположенъ по склону горы. Внизу, за лощиной, снова подъемъ въ большой лѣсъ, съ огромными дубами и высокими соснами. Въ лѣсу этомъ хуторскіе обыватели имѣютъ обыкновеніе самовольно пасти рогатый скотъ и пускать лошадей. Бабушка иногда черезъ Савку дѣлаетъ имъ внушеніе; грозитъ даже кому-то жаловаться... Послѣ извиненія за случайность повторяется то же самое; сосѣди не придаютъ никакого значенія угрозамъ, зная, что никогда и никому не станетъ жаловаться добрая барыня.

Въ саду, гдѣ уцѣлѣло нѣсколько старыхъ скамеекъ, почернѣвшихъ отъ времени, нѣтъ и слѣда той бесѣдки, которую помнилъ

---

[1]) Кормите скорѣе.

папа въ юности еще при первой женѣ дяди, В. Гр., любившей садъ, славившейся изяществомъ своего цвѣтника. Вторая жена дѣдушки А. А., вникая въ полевое хозяйство, не интересовалась вовсе садомъ, въ который никогда не заглядывала, забивъ даже для безопасности выходившую въ него изъ гостиной дверь и разобравъ ступени балкона. Несмотря на недостатокъ ухода, яблони, груши и сливы (крупныя венгерки) ежегодно давали плоды. Старикъ Охримъ, казакъ сосѣдняго села, онъ же и пасѣчникъ, изъ года въ годъ снимавшій за ту же сумму садъ, на убытки никогда не жаловался и жилъ всегда въ мірѣ и ладу со всѣми обывателями уединеннаго хутора.

Въ саду оказалось росно и сыро и мы, чтобы использовать свою свободу, выходили на плотину къ рѣкѣ и мельницѣ, гдѣ немолчно шумѣли колеса и, пѣнясь, каскадомъ спадала внизъ вода. Хотѣлось тотчасъ, вооружившись удочками, попробовать половить рыбу; но удочекъ у насъ не было и намъ оставалось только, поднявшись на гору, уйти въ лѣсъ, гдѣ было такъ много разнообразныхъ цвѣтовъ, папортниковъ, мягкаго яркаго моха.

Съ большими букетами, съ цѣлыми снопами травъ и цвѣтовъ, возвращались мы къ чаю. Насъ уже ожидали въ столовой. За самоваромъ сидѣла бабушка и, перетирая попрежнему ложечки, разсказывала какой-то эпизодъ изъ своей жизни въ родительскомъ домѣ. Она часто вспоминала дѣдушку и не иначе какъ говорила: «царство ему небесное». Она поднимала глаза на висѣвшую въ правомъ углу икону и благоговѣйно всегда осѣняла себя крестнымъ знаменіемъ. Было что-то умилительное, трогательное въ ея благоговѣйномъ почитаніи памяти мужа, который былъ чуть ли не вдвое старше нея и женился вдовцомъ для того, чтобы въ лицѣ ея имѣть возлѣ себя въ домѣ любящее существо, согласившееся раздѣлить его одиночество и взять на себя заботу и попеченіе о немъ.

Бабушка, радостно привѣтствовавъ дорогихъ внучатокъ, принималась торопливо разливать молоко по стаканчикамъ, рѣзать большими ломтями сдобную булку и упрашивать ихъ кушать на здоровье. Приходила Ариша, привѣтливая, какъ и сама хозяйка, и приглашала насъ, барышенъ, поглядѣть на хорошенькихъ телятъ, а паныча на того рыженькаго жеребенка, котораго бабушка предназначила для него, назвавъ его за рѣзвость «Шкодой» [1]). Намъ, конечно, не сидѣлось въ столовой. Нужно было осмотрѣть все хозяйство бабушки.

Съ параднаго крыльца видны были расположенныя на большомъ, поросшемъ густою травою, съ извилистыми узенькими тропинками, дворѣ, надворныя постройки, большая клуня, заново весною перекрытая соломой, маленькій амбаръ съ двумя кры-

[1]) Проказникомъ.

лечками, возлѣ котораго была привязана сердитая лохматая Злюка, экипажный сарай, къ великому удовольствію гостепріимно открытый настежь. Мы любили забираться въ одинъ изъ старыхъ бабушкиныхъ экипажей: бричку или найтычанку [1]), и воображать себя куда-то ѣдущими. Неподалеку отъ сѣнного сарая, охраняемаго ретивымъ Разбойникомъ, былъ большой каменный ледникъ, съ тяжелой, обитой желѣзомъ, дверью. Какъ разъ противъ дома людская, раздѣленная сѣнями на двѣ половины. Въ правой была господская кухня, гдѣ, засучивъ рукава, скалкой раскатывала тѣсто для варениковъ повариха Анисья, принадлежащая къ числу любимыхъ слугъ бабушки; въ лѣвой, людская, гдѣ за кухарку была жена Савки Суклета (Сиклетія), у которой была тутъ же своя маленькая комната. Тамъ она помѣщалась съ дѣтьми: семилѣтней черноглазой Оксаной и трехлѣтнимъ Охримомъ. Оба они были крестниками и любимцами бабушки.

Не сходя съ крыльца, можно было видѣть въ свободномъ промежуткѣ между постройками, надъ высокими насыпями, два большихъ дубовыхъ креста, подъ которыми покоились дѣдушка и первая жена его. Тутъ же, по лѣвую сторону его могилы, желала быть погребенной бабушка, которая такъ любила свой хуторъ, что, живя въ немъ безвыѣздно, не бывала у родныхъ своихъ, которыхъ любила видѣть у себя.

Жила она вообще очень замкнуто, но была удивительно радушна и, любя гостей, заполучивъ ихъ въ Лѣнчикъ, не отпускала ихъ ранѣе 2—3 сутокъ. Къ именинамъ ея 23 іюня всегда съѣзжалось очень много гостей, не только изъ города, сосѣднихъ хуторовъ, но и другого уѣзда.

Уже дня за два до торжественнаго дня пріѣзжала изъ города, по просьбѣ бабушки, дальняя родственница, отличная хозяйка, къ которой она относилась съ большимъ довѣріемъ и передавала на время, вмѣстѣ со всѣми ключами, бразды правленія въ домѣ. Въ ея распоряженіи были всѣ служащіе. Суета была страшная. Уже сутокъ за двое готовили теленка, щипали куръ и утокъ, подслащивали наливки, мѣсили тѣсто для пироговъ, толкли миндаль, подсѣвали муку и сахаръ для пирожныхъ. Бабушка, происходившая изъ довольно зажиточной дворянской семьи, была вѣрна ея традиціямъ и любила праздновать свои именины такъ, какъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ 50 тому назадъ справлялись онѣ въ ея родной «Дубовочкѣ».

Нѣкоторые изъ родныхъ и близкихъ пріѣзжали еще наканунѣ. Обыкновенно торжество начиналось съ самаго утра. Въ 9 часовъ представительный пожилой отецъ Ефремъ (изъ сосѣдняго, верстахъ въ трехъ, прихода) служилъ въ залѣ молебенъ передъ покрытымъ бѣлой скатертью столомъ, украшеннымъ по случаю торжества

[1]) Найтычанка—экипажъ примитивной конструкціи, на длинныхъ дрожинахъ.

божниками (полотенцами), старинными иконами. Старый дьячокъ, высокій, худой, съ тонкой косичкой и большими очками на длинномъ носу, хриплымъ басомъ отвѣчалъ на возгласы ектеніи. Завѣдывавшій кадиломъ и усердно раздувавшій въ немъ угли Савка успѣвалъ подпѣвать ему.

Батюшка неоднократно торжественно перечитывалъ длинный списокъ лицъ, которымъ молилъ Бога даровать здравіе и спасеніе и которымъ провозглашалъ громогласное многолѣтіе. Духовное торжество обыкновенно заканчивалось пожеланіемъ хозяйкѣ добраго здоровья еще на многіе, многіе годы.

Въ столовой уже поданъ былъ чай. Проворная Татьяна Егоровна успѣла предупредительно разлить по стаканамъ.

Въ залѣ весь день оставался накрытымъ столъ, уставленный грудой пироговъ, большими блюдами съ окорокомъ, заливнымъ изъ рыбы, жареными малороссійскими колбасами, исключительно домашними, среди которыхъ виднѣлось нѣсколько графинчиковъ съ водками и настойками и бутылокъ наливки малороссійской, сливянки, кагора и портвейна.

Гости,подъѣзжавшіе въ разное время, немедленно приглашались къ закускѣ и тотчасъ занимали мѣста у большого стола. Угощенье продолжалось весь день непрерывно. Хозяйка предоставляла гостямъ полную свободу. Утоливъ голодъ, они группами уходили гулять въ лѣсъ на плотину или же сидѣли въ саду и на крылечкѣ, къ которому то и дѣло подъѣзжали брички, найтычанки и фаэтоны (послѣднихъ было немного). Въ числѣ гостей часто бывали совершенно незнакомыя бабушкѣ лица, пріѣзжавшія издалека гостить къ ея друзьямъ и роднымъ. Такъ, однажды, увидѣвъ подъѣзжавшихъ къ дому въ бричкѣ двухъ женщинъ, изъ которыхъ одна молоденькая была, почти подростокъ, и двухъ юношей, я отъ самой хозяйки узнать не могла, кто они.

— Должно быть, попенята (дѣти священнослужителей),—сказала она.

— Кажись, одну въ кружевной косынкѣ признаю—это невѣстка воронковской попадьи, а другіе кто—не знаю.

Незнакомые оказались племянницей и сыновьями воронковскаго священника. Ариша говорила всегда, что гости у насъ все стараго завѣта.

Къ числу такихъ старозавѣтныхъ гостей принадлежала пріятельница бабушки, сосѣдка ея Олимпіада Степановна, жившая въ своемъ хуторѣ «Куткѣ» (верстахъ въ трехъ отъ Лѣнчика).

Она была вдова майора, получала небольшую пенсію и жила съ своей дальней родственницей, глубокой старушкой, въ небольшомъ уютномъ домикѣ, къ которому примыкалъ огромный, заглохшій, старый фруктовый садъ.

Съ воспоминаніемъ о хуторѣ Куткѣ у меня связано представленіе объ цвѣтникѣ, обиліи и разнообразіи цвѣтовъ. Клумбы были неизящны, безформенны, въ видѣ какихъ-то неправильныхъ бугорковъ, цвѣты, которые украшали ихъ, по преимуществу многолѣтніе, были такіе красивые, пышные, разнообразные, какихъ я рѣдко видѣла на своемъ вѣку.

Изъ другихъ гостей бабушки мнѣ помнится большой пріятель ея, отставной майоръ М. Г. Р.,севастопольскій герой, постоянно упоминовшій въ своихъ разсказахъ славныя имена Корнилова, Нахимова и ихъ беззавѣтно храбрыхъ сподвижниковъ. Онъ былъ раненъ въ ногу, которая у него была сведена, и ходилъ тяжело опираясь на костыль. Онъ любилъ разсказывать про оборону Севастополя, причемъ приписывалъ самому себѣ много геройскихъ подвиговъ, заслуживавшихъ ему интересъ и вниманіе слушающихъ. Онъ пріѣзжалъ всегда гостить въ Лѣнчикъ съ женой и сыномъ Васей, любимцемъ и крестникомъ бабушки.

Но больше всего на именинномъ торжествѣ присутствовало крестниковъ. Крестникамъ этимъ было нѣсть числа. Очень часто въ одной семьѣ бабушка тремъ поколѣніямъ приходилась крестною матерью, такъ какъ крестила мать, дочь и внучковъ. Такъ же много было у нея посаженыхъ дѣтей. На имена и ихъ родословныя у нея была рѣдкая память. Всѣ они во всякое время имѣли къ ней доступъ, многимъ изъ нихъ она чѣмъ могла помогала, будучи сама не очень богатой. Владѣя 300 десятинъ земли при усадьбѣ, она всегда, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, молила о царствѣ небесномъ и вѣчномъ покоѣ для своего мужа, обезпечившаго ее на всю жизнь, завѣщая ей дорогой воспоминаніями хуторъ, въ которомъ надѣялась она окончить дни свои, чтобы быть погребенной возлѣ него, подъ высокою насыпью съ дубовымъ крестомъ, съ твердой надеждой свидѣться съ нимъ въ загробномъ иномъ мірѣ...

Много прошло лѣтъ... Симпатичный образъ доброй, общительной, хуторской бабушки, благодаря ея разсказамъ изъ личной жизни, воспоминаніямъ хорошаго далекаго прошлаго, удивительно ясно сохранился въ моей памяти, какъ и вся та патріархальная обстановка, которая какъ бы составляла частичку ея существа.

Всѣ окружавшія ее лица, какъ сверстники и современники, имѣли такъ много сходства съ нею, что какъ бы воплощали собой въ образахъ извѣстную отдаленную эпоху, въ которую любили, жили и радовались они безъ малаго сотню лѣтъ тому назадъ.

Не осталось въ живыхъ никого изъ тѣхъ, кого когда-то, очень давно, еще въ раннемъ дѣтствѣ, знавала я въ томъ хуторѣ Лѣнчикѣ, въ которомъ не суждено было умереть владѣлицѣ, чтобы согласно ея волѣ быть погребенной возлѣ мужа. Увезенная изъ него противъ воли, она окончила дни свои среди чужихъ людей и была погребена на кладбищѣ одного отдаленнаго уѣзднаго города.

II.

Въ раннемъ юношескомъ возрастѣ доводилось мнѣ слышать не разъ изъ устъ хуторской бабушки разсказы о быломъ. Интересно было повѣствованіе ея объ отцѣ, сподвижникѣ славнаго фельдмаршала Суворова, участникѣ сраженій при Рымникѣ и Фокшанахъ въ 1788 году; о теткѣ, учившейся въ московскомъ пансіонѣ, во время нашествія Наполеона и съ нимъ дванадесяти языковъ, въ особенности о мужѣ ея, ополченцѣ двѣнадцатаго года, едва не отморозившемъ ступни ногъ подъ Смоленскомъ, при преслѣдованіи жалкихъ остатковъ нѣкогда великой и славной Наполеоновской арміи.

Прошло четверть вѣка съ того времени, какъ она, владѣлица радушнаго хутора Лѣнчика, желавшая найти упокоеніе подъ высокою насыпью и большимъ дубовымъ крестомъ возлѣ своего мужа, была предана землѣ, далеко, на кладбищѣ неизвѣстнаго и чуждаго ей уѣзднаго городка, а переходившая изъ рукъ въ руки усадьба ея предана окончательному разоренію и запустѣнію. Это было давно... Такъ давно...

А между тѣмъ все слышанное не одинъ разъ отъ бабушки, въ ея живой, образной передачѣ такъ свѣжо, такъ ясно запечатлѣлось въ моей памяти, что предо мной возстаютъ, какъ живые, образы этихъ давно отошедшихъ въ вѣчность людей и поразительно ясное представленіе о той эпохѣ, въ которой жили, страдали, радовались, любили и умирали почтенные предки, уступая съ владѣніемъ родовыхъ усадебъ, вѣковыхъ лѣсовъ (ревниво оберегаемыхъ отъ хищнической эксплоатаціи), дорогу и мѣсто новому молодому поколѣнію.

Простота въ образѣ жизни, несложныя условія и требованія того времени, патріархальная искренность отношеній, тѣсная связь родственныхъ узъ, взаимное уваженіе членовъ семьи, ихъ почтеніе къ старшимъ, любовное добровольное подчиненіе дѣтей волѣ родителей, престижъ отца, какъ главы семьи и патріарха, въ глазахъ взрослыхъ сыновей—составляютъ исключительную особенность той эпохи, о которой бабушка въ своихъ разсказахъ давала такое детальное, разностороннее представленіе.

Эту семейную хронику, эти интересные эпизоды своей юности всегда очень наглядно иллюстрировала она, то снимая со стѣны искусно вырѣзанные какимъ-то бурлакомъ силуэты родителей, наклеенные на картонъ и вставленные подъ стекло примитивной бумажной рамки; то портреты ихъ углемъ и карандашемъ, очень талантливо исполненные какимъ-то проѣзжимъ художникомъ. Ей не лѣнь было доставать изъ сундука шелковое, гродетуровое въ оборочкахъ платье своей матери; тяжелые часы луковицей, совер-

шившіе походъ съ ея отцомъ въ Румынію въ 1788 году; трубку дѣдушки, съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ; книги, подаренныя мужу свекромъ, какъ то: «Вѣстникъ Европы» въ 1812 году, переписанные стихи Сумарокова и Державина, газеты или куранты, какъ называлъ ихъ ея отецъ, отъ 1782 года, «Московскія Вѣдомости» и проч.

И мы, слушая по нѣскольку разъ ея разсказы, переспрашивая неоднократно одно и то же, считали себя какъ бы знакомыми съ ея семьей, изъ которой я въ 70-хъ годахъ видѣла глубокой старухой ея старшую сестру Клавдію.

Бабушка жила въ прошломъ. Глаза у нея были слабы, читать ей было трудно, но до чтенія она, видимо, никогда охотницей и не была. Изъ хутора рѣдко выѣзжала; переписку почти ни съ кѣмъ не поддерживала и была всецѣло погружена въ хозяйственныя заботы о любимомъ хуторѣ, причемъ находила себѣ всегда дѣло и весь день была на ногахъ. За вязаніемъ шарфовъ, косынокъ на спицахъ, она всего болѣе любила вспоминать доброе старое время и разсказывать о привольномъ, веселомъ житьѣ подъ родительскимъ кровомъ.

Въ Лѣнчикѣ она не видала много радости, мужъ ея, много старше, больной, страдавшій ревматизмомъ, сдѣлалъ изъ нея терпѣливую сидѣлку. Она привыкла къ его страданьямъ, къ уходу за нимъ, и съ его смертью жизнь потеряла для нея всякій смыслъ. Нельзя было доставить ей большее удовольствіе, какъ попросить разсказать о дѣтствѣ и юности. Воспроизвожу по памяти ея повѣствованіе:

— Я родилась,—говаривала она,—въ родовомъ хуторѣ Дубовички 9 мая 1814 года. Отецъ мой, современникъ великой царицы Екатерины, 23-хъ лѣтнимъ юношей участвовалъ въ походахъ, подъ начальствомъ доблестнаго фельдмаршала Суворова, и раненый при Фокшанахъ въ 1788 году въ бокъ и лѣвую ногу, которая осталась у него сведенной въ колѣнѣ на всю жизнь, вышелъ въ отставку. Дѣдушка, подыскавъ ему въ невѣсты мою мать, 17-тилѣтнюю сироту, воспитанную въ домѣ своего дяди, и предоставивъ ему въ распоряженіе хуторъ Дубовички, вскорѣ умеръ.

Семья у насъ была не маленькая; кромѣ меня, самой младшей у родителей моихъ было четыре сына: Степанъ, Михаилъ, Григорій и Василій и двѣ дочери, Неонила и Клавдія.

Жила съ нами еще тетка, сестра матери, Глафира Степановна. Она обучалась въ какомъ-то московскомъ пансіонѣ, была просватана и, когда женихъ ея, молодой и красивый, умеръ отъ черной оспы, она, пріѣхавшая погостить въ Дубовички, осталась въ нихъ на всю жизнь. Замужъ она такъ и не вышла, несмотря на то, что ее не разъ сватали хорошіе люди. Ходила она всегда въ черномъ, строго соблюдала посты, среду и пятницу, и была очень набожна.

Хорошо намъ жилось въ тепломъ дѣдушкиномъ домѣ, къ которому отецъ пристроилъ еще нѣсколько горницъ. Домъ у насъ былъ очень помѣстительный. За большой прихожей съ огромными ларями былъ залъ, съ блестящимъ, какъ зеркало, узорнымъ поломъ, о пяти окнахъ съ филейными гардинами маменькиной работы; далѣе шла гостиная, чуть побольше моей. Тамъ висѣла чудесная картина, вышитая шерстями, изображавшая «волка и красную шапочку». На стѣнѣ надъ окнами отлично вился крупнолистный плющъ. За нею столовая—угловая, выходившая четырьмя окнами въ тѣнистый садъ. Всѣ эти горницы были большія, просторныя.

Домъ нашъ дѣлился на двѣ половины, и по коридору былъ цѣлый рядъ маленькихъ комнатъ: кабинетъ папеньки, спальня маменьки, комнаты панычей (моихъ братьевъ), тети Глаши, моя и сестеръ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были удобныя лежанки, на которыя, подостлавъ коврикъ, любили забираться мы, дѣти, въ морозныя сумерки, грѣясь послѣ игры въ снѣжки и катанья съ горы на салазкахъ.

Какъ хорошо, тепло становилось въ домѣ, когда сторожъ Охримъ, закрывъ снаружи ставни, принимался растоплять изъ коридора одну изъ маленькихъ печей. Большія наши парадныя хоромы отапливались съ утра снизу соломой. Папенька любилъ тепло и въ своемъ тепломъ казакинѣ, подбитомъ ватой или бѣличьимъ мѣхомъ, на низенькомъ табуретѣ усаживался передъ печкой и, грѣя руки, всегда самъ мѣшалъ мелкія, березовыя дрова.

Въ большой дѣвичьей тоже топилась голландка и тамъ при свѣтѣ сальныхъ свѣчей до ужина кипѣла работа. Дівчата, наши челядки: Агаша, Мотря, Галя—пряли тонкую пряжу подъ наблюденіемъ Лукьяновны, нашей ключницы, вдовы псаломщика. Хорошая, преданная была намъ старушка, «царство ей небесное». Любила она насъ, какъ родныхъ дѣтей (которыхъ она похоронила въ раннемъ возрастѣ). Маменька, тогда еще молодая и неопытная, взяла ее въ домъ, чтобы никогда не разстаться съ нею. Лукьяновна, высокая, худая, носила черное платье, повязывала голову шелковой косынкой, концы которой аккуратно на макушкѣ закалывала булавкой, со стеклянной головкой. Всѣ слушались ее, повиновались ей и боялись ее. Она любила ворчать. Казалась сердитой, но на самомъ дѣлѣ была добрая, жалостливая. Цѣлый день была она на ногахъ. Одинаково рано вставала зимой и лѣтомъ. Забравъ висѣвшіе у ней надъ кроватью большіе ключи, отправлялась она въ амбарчикъ для выдачи овса, сѣна и прочаго корма для лошадей, птицы; а также хлѣба, сала, соли и прочаго для людей на весь день.

Возвратясь въ свою келейку, она долго, притворивъ дверь въ коридоръ, на колѣняхъ молилась предъ тѣми темными иконами, которыя занимали весь уголъ ея крошечной комнатки. Всегда по

книжкѣ читала она длинный списокъ именъ своихъ дорогихъ покойниковъ. Затѣмъ отправлялась въ кухонку варить ячменный кофе въ мѣдномъ пузатенькомъ кофейникѣ да кипятить сливки и молоко для господъ, которые собирались въ столовую въ 7 часовъ.

Папенька поднимался всегда съ пѣтухами. Хозяйство у насъ было большое, хотя земли пахотной было всего 300 десятинъ; но при этомъ у насъ былъ свой небольшой винокуренный заводъ. Горилка курилась на продажу, а бардой откармливали на славу свиней штукъ болѣе 20 и рогатый скотъ. Брали еще въ зиму на прокормъ и хуторскихъ воловъ, такъ какъ корма были хорошіе. На рѣкѣ, за садомъ, была у насъ водяная мельница о двухъ поставахъ, а при ней толчея, крупорушка да небольшая сукновальня. Работа шла круглый годъ. Мирошкинъ Остапъ такъ хорошо умѣлъ обходиться съ людьми, что издалека привозили въ нашъ млинъ молоть жито, рушить просо и гречъ. Его крохотная хатка, возлѣ пруда (става), была всегда полна заѣзжаго народа. Мы любили' порядкомъ прозябнувъ, заходить къ нему отогрѣться послѣ катанья по льду, въ особенности, чтобы побалакать съ проѣзжими хуторянами.

Хозяйство у насъ было такое, что вспомнить любо. Чего не пожелаешь, все свое. Покупать-то было нечего, развѣ только чай, который папенька, съ 20-го года, цыбикомъ сталъ выписывать изъ Москвы, да еще песокъ сахарный и патоку.

Осенью, когда прекращалась работа на свеклосахарномъ заводѣ князя Г., папенька самъ ѣздилъ въ В. и закупалъ бочками сахарный песокъ и патоку. О сахарныхъ головахъ и пиленомъ сахарѣ мы тогда понятія не имѣли. Даже свѣчи, какъ восковыя (у насъ была большая пасѣка, ульевъ 40), такъ и сальныя, отливались дома и этимъ производствомъ завѣдывалъ нашъ старый приказчикъ Тарасъ, помощникъ папеньки, пользовавшійся большимъ его довѣріемъ. Какъ они макались и отливались, я ужъ теперь не припомню, потому что, когда я стала помнить себя, то застала большой запасъ свѣчей, а потомъ, со смертью Тараса, ихъ стали пудами покупать въ городѣ.

Въ кладовой маменьки чего-чего только не было. На полкахъ рядами стояли большія глиняныя банки съ различнымъ вареньемъ, бутылки наливокъ: запеканокъ, настоекъ, травниковъ разныхъ. Была еще какая-то зеленоватая, душистая настойка, которую папенька всегда пилъ передъ обѣдомъ. Тутъ же стояла кадушка съ медомъ, орѣхами. Къ толстой потолочной балкѣ были привѣшены пучки мяты, ромашки, грозди рябины, калины и проч. Въ мѣшкахъ за дверью сохранялись сѣмечки (подсолнухи) и тыквенныя сѣмена (насэнье). Большой запасъ разныхъ лакомствъ сохранялся тутъ же въ ящикахъ шкапа. Были тутъ и коврижки на патокѣ, сушенныя яблоки, вишни, груши и сливы для взвара; варенья въ

сахарѣ, арбузныя и дынныя корки и всего-всего не вспомнишь. Вездѣ ярлычки съ надписями... Были у нея и лекарственныя травы: шалфей отъ болѣзни горла; липовый цвѣтъ отъ простуды; березовыя почки отъ порѣзовъ; лѣсная земляника отъ безсонницы; полынь отъ лихорадки и много разныхъ другихъ травъ и корней.

Кладовая при домѣ составляла гордость маменьки. Ключъ отъ нея всегда хранился у нея въ бисерномъ мѣшочкѣ, вмѣстѣ съ большими черепаховыми очками и носовымъ платкомъ. Она ежедневно сама отпускала провизію нашей старой стряпухѣ Ѳедорѣ.

Ключами отъ большой кладовой, маленькаго амбара, подвала, погреба, ледника завѣдывала Лукьяновна, которая съ ранняго утра выдавала весь потребный дневной провіантъ. Всѣ ключи, большіе, тяжелые, висѣли у нея на ремешкѣ, на длинномъ гвоздѣ надъ кроватью.

Староста нашъ Тарасъ Григорьевичъ имѣлъ ключи отъ большого амбара съ нѣсколькими крылечками; отъ кузницы, сѣнного сарая, сбруйной, отъ склада шкуръ, ремней, желѣза и прочаго матеріала.

Да, дѣточки, такое хозяйство, какое было у нашего отца, даже въ тѣ времена найти было трудно.

Былъ у насъ и свой кузнецъ Ефремъ, и плотникъ, столяръ Еремѣй, у котораго всегда была работа для горницъ и мельницы. Дома вились веревки, изготовлялась сбруя и прочее. Изъ города всегда привозили осенью портного и онъ мѣсяца по три работалъ у насъ: шилъ папенькѣ казакины, намъ—шубки, кофты, прислугѣ—корсетки и прочее. Онъ умѣлъ шить хорошо и платья, конечно, не такія модныя, дорогія да вычурныя, какъ ваши. Насъ одѣвали просто, не по теперешнему. Лѣтомъ мы носили, какъ дівчата, исподницы, вышитыя рубашки, корсетки.

Отецъ мой очень заботился о воспитаніи моихъ братьевъ, которые всѣ учились въ новгородъ-сѣверской гимназіи, поступили впослѣдствіи въ московскій университетъ. Насчетъ дочерей онъ всегда говаривалъ: «Имъ не нужно большое образованіе, если будутъ въ мать—хозяйки и рукодѣльницы; молоды да лицомъ пригожи, такъ всегда жениховъ изрядныхъ дождутся, и безъ нужды и печали жизнь проживутъ, какъ мы съ тобой, Варенька»,—прибавлялъ онъ, ласково глядя на маменьку.

Первоначально всѣхъ насъ обучала грамотѣ и наукамъ тетя Глаша, которая сама когда-то училась въ московскомъ пансіонѣ. Закону Божьему, ариѳметикѣ и географіи—приходскій священникъ нашъ отецъ Евфимій, раньше онъ обучалъ братьевъ латыни и другимъ языкамъ. За нимъ два раза въ недѣлю посылали внука Тараса Артема на сытой, гнѣдой Лыскѣ. Занимался онъ хорошо, добросовѣстно съ нами младшими, Клашей и Васей (старшія братья были кто въ московскомъ университетѣ, кто въ новгородъ-сѣверской

гимназіи, а сестра Неонила вышла замужъ за городничаго, когда мнѣ было три года).

Учились мы всегда въ тетушкиной комнатѣ, за большимъ некрашенымъ столомъ, украшеннымъ чернильными пятнами, различными буквами, рисунками перомъ—проказами братьевъ. Заставляя насъ читать, тетушка постоянно вязала на спицахъ гарусные шарфы для братьевъ, крестниковъ или прислуги. Этой работѣ научила она и насъ. Намъ она нравилась гораздо больше, чѣмъ толстые, нитяные чулки, которые заставляла насъ вязать Лукьяновна, сама ни на минуту не разстававшаяся со своимъ чулкомъ, вязавшая его на ходу.

Вышиванью въ пяльцахъ гарусомъ и бисеромъ учила насъ маменька—большая рукодѣльница. Сестра Клаша была такая же, какъ и она, искусница; у меня рукодѣліе не спорилось и я немало перепортила зря всякаго добра.

Работали мы только осенью да зимой. Весной и лѣтомъ некогда было. Мы были постоянно заняты въ саду и въ огородѣ. У каждаго изъ насъ было по своей грядкѣ овощей и цвѣтовъ, которыя мы отгораживали кольями, заботливо пололи и поливали. Лѣтомъ у насъ дѣла было такъ много, что учились всегда мы часа по два въ день, не больше. Мы собирали въ лѣсу грибы, низали, сушили ихъ на солнцѣ, лущили для сушки горохъ, дѣлали запасы липоваго цвѣта, мяты; чистили ягоды для варенья, которыя маменька съ Лукьяновной варили въ большой жаровнѣ, подъ тѣнью стараго каштана, возлѣ задняго крылечка. Братья также помогали отцу и Тарасу въ полевомъ хозяйствѣ, какъ мы маменькѣ—въ домашнемъ. Пріѣхавъ на каникулы, они вставали рано и верхомъ съ рабочими выѣзжали въ поле или на лугъ. Возвратившись домой и освѣжившись купаньемъ, они приходили къ обѣду. Папенька, ѣздившій въ поле въ маленькой бричкѣ, послѣ обѣда выкуривалъ длинную трубку, съ глинянымъ чубукомъ, жуковскаго табака, ложился отдыхать на клеенчатомъ диванѣ въ своемъ кабинетѣ, а братья или съ удочками уходили ловить рыбу, или съ книжками уходили въ садъ. Въ 5 часовъ, лѣтомъ, въ бесѣдкѣ возлѣ дома, собиралась наша семья полудновать. Лукьяновна приносила большой кувшинъ холоднаго молока, миску ягодъ, свѣжаго житнаго или пшеничнаго хлѣба, а для папеньки кувшинъ его любимаго солодоваго кваса.

Мы ѣли наскоро, такъ какъ братья спѣшили опять въ поле или на покосъ. Иногда, когда было свободно, запрягали долгушку и мы съ тетей Глашей и маменькой ѣздили или на сѣнокосъ, или на жнитья. Мы всегда съ дівчатами усердно гребли и переворачивали сѣно и научились такъ ловко жать, что скотница Вавдя всегда одобрительно отзывалась о нашей подмогѣ. Хорошо, говорить нечего, жилось намъ въ родительскомъ домѣ, когда вся семья была

въ сборѣ. Зимой за ужиномъ, въ длинные зимніе вечера, отецъ интересно разсказывалъ про былое... Онъ очень любилъ старину. Онъ всегда съ умиленьемъ говорилъ о славномъ фельдмаршалѣ князѣ Суворовѣ. Онъ гордился честью служить подъ его командою.

«Не высокій ростомъ, худощавый, не видный изъ себя, а сколько было въ немъ мощи, отваги, другого такого полководца не было въ цѣломъ мірѣ, да и не будетъ во вѣки вѣковъ,—говаривалъ онъ съ умиленьемъ:—«вѣчная ему память»—не фельдмаршаломъ, а отцомъ роднымъ почитало его храброе россійское воинство».

Не знаю, видѣлъ ли когда отецъ свирѣпаго Емельяна Пугачева, но разсказывалъ онъ о немъ такъ, какъ будто самъ зналъ, видѣлъ его. Страшно становилось отъ разсказанныхъ о немъ злодѣяніяхъ. Онъ приказывалъ въ городахъ на площадяхъ ставить висѣлицы и казнилъ по нѣсколько человѣкъ сразу. Онъ мучилъ, пыталъ, грабилъ, жегъ, уничтожалъ все на пути, пока самъ не попался въ руки славному генералу Михельсону, и, какъ дикій звѣрь, въ деревянной клѣткѣ не былъ доставленъ въ Москву для казни, въ царствованіе блаженной памяти царицы Екатерины.

«Будетъ тебѣ, Левъ Максимовичъ, на ночь дѣтямъ страхи разсказывать, напугаешь ихъ такъ, что они ночью спать не станутъ», говаривала маменька, которая уже не одинъ разъ слышала разсказы отца о злодѣяніяхъ Пугачева. Какъ страшно было жить въ то время, упаси Господи. Мнѣ онъ такъ живо представлялся, что однажды, увидѣвъ во снѣ страшнаго съ черной бородой злодѣя, я въ ужасѣ вскрикнула:«Пугачевъ пришелъ». На крикъ мой прибѣжала испуганная Лукьяновна и принялась крестить меня и отчитывать. Она заставила меня встать и повторять за нею псаломъ Давида: «да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его», который обыкновенно читается въ такихъ случаяхъ. Только уложивъ меня снова въ постель и перекрестивъ еще разъ, вернулась она въ свою келейку—такъ мнѣ было страшно.

Тетя Глаша, учившаяся въ Москвѣ въ пансіонѣ въ 12-мъ году, разсказывала про нашествіе французовъ. Графъ Ростопчинъ былъ въ то время генералъ-губернаторомъ. Онъ убѣждалъ сначала москвичей не бросать жилищъ, а потомъ, какъ пошли слухи, что Наполеонъ подходитъ съ двунадесятью языками, что гибель неминуема, стали всѣ, кто могъ, бѣжать изъ Москвы, кто куда зналъ. Начальница пансіона объявила, чтобы ученицы по домамъ расходились и сама, спѣшно связавъ узлы, на подводѣ куда-то уѣхала. У тетки жила у Москвы-рѣки знакомая вдова-майорша; она ее едва захватила. Выбывала и она въ какой-то городъ, не припомню, къ сестрамъ. Давно это было, не запомнишь ... Москву, какъ вы знаете, тогда сожгли и разграбили... въ конецъ разорили.

Когда тетка снова вернулась, то отъ дома, гдѣ училась, нашла однѣ стѣны. Кто его сжегъ, самъ ли сгорѣлъ—неизвѣстно, а пансіонъ потомъ былъ ужъ въ другомъ переулкѣ.

— Что же, вы и Наполеона видѣли?—спросилъ ее однажды Вася.

— Какъ же я Наполеона могла видѣть,—отвѣчала она—когда меня тогда, говорю тебѣ, въ Москвѣ не было. Французовъ плѣнныхъ, больныхъ, раненыхъ много осталось въ Россіи. Жалкіе они были. Отстали отъ своего войска, разутые да раздѣтые; которые милостыню просили, а которые къ знатнымъ людямъ на службу опредѣлились. Къ нашей начальницѣ приходилъ какой-то мусье Жиро. Молодой, худой, болящій, да ужъ очень хорошій. Онъ жилъ неподалеку изъ милости у псаломщика и давалъ уроки по-французски.

Я хорошо помню, что въ 1825 году, когда умеръ императоръ Александръ Благословенный, мнѣ было 11 лѣтъ. Батюшкѣ кто-то написалъ изъ города. Было это въ Филипповкѣ. Помню, какъ сейчасъ, что отецъ послалъ за священникомъ служить панихиду и собралъ всю деревню. Маменька достала чепчикъ съ черными лентами. Всѣ молились за упокоеніе души любимаго царя. Послѣ панихиды, я помню, пѣли многія лѣта императору Николаю. Помню также, какъ ему присягали послѣ обѣдни.

Нашъ приходъ былъ—большое село «Лухновка», верстахъ въ трехъ отъ нашего хутора.

Тамъ населеніе было все казаки... Вы хотя живете и родились въ Петербургѣ, но по лицу, все-таки, немножко хохлушки и потому отъ него, вѣрно, знаете, что Малороссія была нѣкогда подъ владычествомъ Польши; что у нея были свои выборные гетманы (воеводы), даже свой законъ—«Литовскій статутъ»; что было и свое войско «Запорожское» и что только при царицѣ Екатеринѣ она была присоединена къ Россіи и что послѣдній гетманъ былъ графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій.

Крѣпостныхъ людей у насъ, какъ въ другихъ прочихъ мѣстахъ, не было. Землю свою мы сдавали сосѣдямъ хуторянамъ или Луховцамъ исполу. Снимали они ее у насъ, сѣяли своими сѣменами, жали, свозили въ клуню и за трудъ своей оставляли себѣ половину урожая. Работали они у насъ также и поденно, когда за деньги, а больше за солому, за дрова за муку, за соль и другіе продукты.

Въ миру и ладу жили мы съ ними. На обжінкахъ папенька угощалъ ихъ горѣлкой и брагой. Маменька давала имъ всегда лекарство, крестила и благословляла безъ отказа.

Ребятишки часто приходили къ намъ въ садъ за ягодами, дівчата за цвѣтами, которыми онѣ убирали головы. На святки онѣ тоже приходили къ намъ: въ сочельникъ колядовать и подъ Новый годъ щедровать. Папенька самъ раздавалъ имъ по семику (старая мѣдная монета). Маменька съ Лукьяновной обдѣляла всѣхъ моченными яблоками, орѣхами, подсолнухами...

Веселое время святки... Съѣзжались братья, иногда съ товарищами; гостили у насъ изъ города и подруги, крестницы маменьки, Любочка и Галя. Танцовали мы всегда подъ скрипку и гармонику (ма-

стера на это были—сынъ Тараса и кузнецъ); гадали на всѣ лады: затѣвали веселыя игры; пѣли всѣ хоромъ; ряжеными ѣздили къ лухновскому батюшкѣ, гдѣ тоже была молодежь изъ бурсы и гимназіи.

Особенно весело было на святкахъ въ 1831 году. Мнѣ было тогда 17 лѣтъ. Старшій братъ служилъ тогда въ Петербургѣ въ управѣ благочинія. Пріѣжали оба брата, которые были студентами, да младшій Вася, который привезъ съ собой товарища изъ новгородъ-сѣверской гимназіи; посылали въ городъ за Любочкой и Галей. Сколько было радости, смѣха, веселья въ домѣ...

Въ сочельникъ у насъ не принято было ѣсть до звѣзды, но Мотра по секрету сказала, что «панычи втихомолку грызутъ бублики», и просила ихъ не выдавать папенькѣ.

Лукьяновна, по обыкновенію, засвѣтивъ всѣ лампады и положивъ много земныхъ поклоновъ въ залѣ, въ углу подъ образами, ставила столъ, покрывала его сѣномъ, застилала бѣлою скатертью и устанавливала двѣ миски кутьи для господъ и челяди и по два чугуна взвара.

Сынъ Тараса привезъ часа въ три батюшку, который пропѣлъ рождественскій тропарь, окропилъ святой водой кутью и взваръ и, поздравивъ всѣхъ присутствующихъ съ придверіемъ праздника, спѣшилъ домой, гдѣ семья, тоже съ кутьей, ожидала его.

Тарасъ уносилъ благовѣйно священное сѣно, чтобы положить его въ ясли лошадямъ и коровамъ.

Тетя Глаша и Вася уносили нашу кутью и взваръ въ столовую, а Лукьяновна отдавала остатки на людскую.

Мы съ нетерпѣніемъ ждали, когда кукушка на часахъ въ столовой прокукуетъ четыре раза, чтобы сѣсть за столъ, такъ какъ рождественская звѣздочка уже много раньше загорѣлась на морозномъ небѣ. Обѣдъ былъ постный и особенно вкусный; на столѣ ставились миска ухи и цѣлая груда пироговъ съ капустой, съ горохомъ, съ макомъ, съ яблоками; жареная рыба, маринованные грибы, вкусная кутья, сладкій взваръ, который Лукьяновна большой ложкой щедро разливала по тарелкамъ.

Въ сочельникъ приходили дівчата колядовать, пѣли пѣсни и расходились съ узелками сластей. На первый день Рождества ѣздили рано къ обѣднѣ, потомъ приходили дѣти Христа славить. Къ вечеру хлопцы—со звѣздой. Пѣли тропарь «Дѣва днесь» и прочее. Звѣзду приносили изъ Лухновки. Она была большая, покрашенная синей краской, расписанная сусальнымъ золотомъ, въ серединѣ было изображеніе «Христа въ ясляхъ». Позади вставлялась свѣчка, и такъ хорошо были видны лики Младенца, Пресвятой Дѣвы и старца Іосифа. На третій день подъѣжали еще гости польку — трамбланъ, экосезъ, а гроссъ-фатеръ даже маменька съ папенькой. Пѣли пѣсни малороссійскія и русскія: «Возлѣ рѣчки, возлѣ

моста», «Стонетъ сизый голубочекъ» и др. Угощенье было на славу: коврижки, маковники, яблоки свѣжія и моченыя, орѣхи, все вкусное, домашнее...

29-го всѣ рядились и уже ряжеными поѣхали къ отцу Евфимію. Братъ Максимъ надѣлъ старый папенькинъ мундиръ и навелъ усы и баки, меня одѣли монашенкой, Васю—жидомъ, его товарища—медвѣдемъ, другихъ не припомню, давно это было...

Подъ Новый годъ какъ только не гадали. Лукьяновна наливала воды въ мѣдный тазъ, мы всѣ писали имена и желающіе гадать спускали восковую свѣчку въ орѣховой скорлупѣ; она кружилась и остановившись передъ именемъ, поджигала кончикъ бумажки. Васѣ вышла «Хавронія», Любочкѣ—«Василій» а мнѣ «Данила», у насъ и такого знакомаго не было...

— Все равно суженый,—говорила тетя Глаша. Потомъ маменька сама раскладывала подъ тарелки: уголекъ, кусочекъ хлѣба, денежку и кольцо. Всѣ входили въ столовую и по очереди поднимали тарелку. Мнѣ и Любочкѣ вышло кольцо, Галѣ уголекъ, а Клашѣ денежка.

Лили мы олово и воскъ. Разсматривали тѣнь на стѣнѣ. Брату Максиму вышло что-то въ родѣ куля, мнѣ—какъ будто букетъ, Васѣ—какой-то столбъ. Потомъ, въ залѣ, мы усѣлись въ кружокъ всѣ на на полу. Лукьяновна принесла сначала въ фартукѣ овса и разсыпала кучками противъ каждаго изъ насъ, а затѣмъ притащила пѣтуха. Пѣтухъ спросонья вытягивалъ шею, хлопалъ крыльями, стоя посрединѣ, и не хотѣлъ даже смотрѣть на овесъ. Намъ наскучило ждать. Клаша даже просила Лукьяновну принести другого, какъ онъ вдругъ сразу кинулся ко мнѣ.

— Ну, Грунино счастье, весело загуляемъ на ея свадьбѣ,—сказали всѣ въ одинъ голосъ.

Накинувъ шубку на бѣличьемъ мѣху на плечи, пуховой платокъ на голову, я съ Мотрой, украдкой, черезъ заднее крылечко выбѣжала на дворъ послушать подъ окномъ. Вездѣ въ усадьбѣ было темно. Только въ людской свѣтилось окно. Ѳедора сидѣла за столомъ и разговаривала съ своимъ мужемъ кузнецомъ. Я прислушалась. Ѳедора говорила, что къ кому-то уже сватовъ засылали—будутъ скоро каравай разрѣзать.

Мотра радостно пояснила, что это значитъ, что и меня скоро просватаютъ.

Въ полночь, переставъ гадать, собрались всѣ въ залѣ; въ прихожей толпилась прислуга. Перекрестившись на иконы, всѣ запѣли хоромъ «Спаси, Господи, люди твоя» и тропарь Василія Великаго и стали поздравлять другъ друга съ Новымъ Годомъ. Всякій бралъ со стола рюмку наливки и чокался со всѣми. Прислугѣ Лукьяновна подносила варенухи и сластей.

Утромъ Лукьяновна спросила меня, кого я видѣла во снѣ, такъ какъ она поставила подъ кровать «мостикъ». Налила въ тарелку

воды и положила двѣ щепочки. Суженый долженъ былъ меня перевести черезъ мостъ. Я едва вспомнила, что неясно, смутно видала какого-то незнакомаго гостя.

Въ томъ же году, послѣ Крещенья всѣ разъѣхались. Числа 20-го января папенька поѣхалъ по дѣлу въ городъ и разсказалъ за ужиномъ, что познакомился у судьи съ Данилой Петровичемъ З.—«Вдовецъ, человѣкъ состоятельный, степенный»,—говорилъ онъ,—«уже не молодой; обѣщалъ къ намъ пріѣхать».

— «Что-жъ, милости просимъ», сказала маменька.

На Срѣтенье, къ обѣду, въ николаевской шинели на енотовомъ мѣху, прикатилъ незнакомый гость. Этотъ самый Данила Петровичъ З... У насъ ему такъ понравилось, что онъ прогостилъ три дня.

Данилѣ Петровичу на видъ было около 50 лѣтъ.

Плотный, средняго роста, съ легкой просѣдью въ волосахъ и подстриженныхъ усахъ, съ военной выправкой, онъ имѣлъ очень бравый видъ. Онъ пришелся у насъ всѣмъ по душѣ. Мнѣ онъ тоже понравился своимъ добродушіемъ и общительностью.

— Груня, твой суженый опять пріѣхалъ,—объявила радостно тетя Глаша, когда онъ на масленицу опять неожиданно явился въ Дубовички.

— Вотъ недаромъ гадала на Данилу, да незнакомаго гостя во снѣ черезъ рѣчку проводила,—пояснила Лукьяновна.

Данила Петровичъ былъ интересный разсказчикъ. Любо было слушать, какъ они съ папенькой, закуривъ по трубкѣ жуковскаго табака, принимались вспоминать про походы, про разныхъ именитыхъ военачальниковъ и проч. Данила Петровичъ двадцати одного года служилъ въ ополченцахъ во время нашествія французовъ. Видѣлъ вблизи маршаловъ: не то Нея, не то Даву, или даже обоихъ—уже не припомню.

Зима была лютая въ 12 году. Вороны и галки на лету замерзали и падали мертвыми на землю. Гдѣ-то, кажется подъ Смоленскомъ, много ратниковъ поотморозили руки, ноги, уши, носы. Данила Петровичъ сильно ознобилъ ноги и съ того самаго времени страдалъ ревматизмомъ.

— А какъ же онъ вамъ предложеніе сдѣлалъ?—разспрашивали мы съ любопытствомъ и нетерпѣніемъ.

А вотъ какъ: тогда же въ субботу на масленицу утромъ, когда я еще причесывала голову, заплетала косу (а она у меня была длинная, густая), маменька, зайдя весело въ комнату и притворивъ дверь, сказала:

— Данила Петровичъ вчера вечеромъ просилъ у насъ твоей руки. Мы тебя, дочка, не неволимъ. Поразмысли сама хорошенько... Человѣкъ онъ хорошій, не пьющій, степенный, состоятельный будетъ тебя любить и лелѣять. Впрочемъ, это твое дѣло... Сама обсу-

ди... Не пожелаешь твое дѣло. Ты молода, жениховъ еще всегда найдешь.

Я растерялась сразу и отчего-то заплакала.

— Плакать нечего, не силой тебя отдаютъ; не любъ онъ тебѣ, оставайся съ нами дома, доченька,—добавила маменька, цѣлуя въ голову.

Я надумала немножко потолковать съ Клашей, съ Лукьяновной, съ тетей, съ Мотрой. Всѣ въ одно слово—«чего раздумывать—видно—судьба. Разбирать нечего, человѣкъ богатый, степенный и лицомъ не плохой».

Когда передъ обѣдомъ маменька съ папенькой зашли въ комнату, я объявила: «скажите Данилѣ Петровичу, я согласна».

Когда я вошла въ столовую, онъ веселый, довольный поцѣловалъ мою руку, сталъ обнимать родителей и благодарить за великую честь.

— Клянусь Господомъ, что буду всю жизнь лелѣять вашу дочку, беречь, какъ зеницу ока, и всячески ублажать.

Благословили насъ, какъ должно, образомъ, отслужили на дому молебенъ, созвали всю челядь нашу, подносили всѣмъ горѣлку, надѣляли всѣхъ кореваями, пирогами.

Весь Великій постъ готовилось приданое. Въ домѣ стоялъ дымъ коромысломъ. Въ людской по вечерамъ скубли перья на перины и подушки. Въ дѣвичьей вышивали полотенца, оканчивали тканье салфетокъ. Въ комнатѣ панычей швея изъ города, Анфиса Ивановна, шила наряды. Всѣмъ находилось дѣло для невѣсты, которая сама никогда не была рукодѣльницей.

Данила Петровичъ привезъ на Пасху подарки, браслетъ съ гранатами, который я вамъ, дѣти, показывала, кольцо съ бирюзой, которое я 30 лѣтъ не снимаю, фату, вѣночекъ флеръ д'оранжа, подножку, вѣнчальныя свѣчи, турецкую шаль.

Данила Петровичъ хотѣлъ, чтобы свадьба была на «красную горку», но родители объявили, что подождутъ пріѣзда братьевъ. Въ маѣ, по примѣтѣ, вѣнчаться не должно и свадьба наша была назначена на 1 іюня 1832 года.

Какъ сейчасъ помню этотъ день, хотя это было ужъ давно.

Вотъ многое забыла, а свадьбу, какъ вчера помню. Утромъ ѣздили мы къ обѣднѣ—служили молебенъ. По возвращеніи домой, Лукьяновна принесла мнѣ въ комнату большую просфору и чашку святой воды. Крестила меня, плакала и причитывала.

Въ 12 часовъ меня Клаша и обѣ подруги стали одѣвать къ вѣнцу. Маменька сняла серьги, цѣпочку и надѣла крестинный крестикъ на бѣлой ленточкѣ. Большая была церемонія. Каждую вещь крестили и что-то приговаривали. Подруги, по очереди, расчесывали волосы, а Клаша искусно прикалывала фату и вѣнокъ.

Я вѣнчалась въ бѣломъ, кисейномъ съ мушками и маленькими оборочками, пышномъ платьѣ.

Бѣлая атласная лента вокругъ таліи была спереди связана бантомъ, а концы спускались почти до полу. Въ залѣ былъ разостланъ коверъ. Когда всѣ собрались и папенька съ маменькой взяли въ руки по образу, я бросилась имъ въ ноги и долго, долго плакала, обнимала, цѣловала ихъ, благодарила за ласку и мнѣ стало такъ жаль оставить ихъ всѣхъ и нашъ домъ навѣки...

Мнѣ принесли воды, успокоили и усадили въ тарантасъ съ тетей Глашей, которую я первый разъ въ жизни видѣла въ сѣромъ свѣтломъ платьѣ и съ семилѣтнимъ Юрочкой (внучкомъ священника) съ образомъ.

Народа было пропасть въ церкви и на цвинтарѣ. Вѣнчали насъ долго, не спѣша. Служили молебенъ, прикладывались ко всѣмъ иконамъ.

Данила Петровичъ порозовѣлъ, сталъ веселымъ, улыбался. Я тоже повеселѣла, видя кругомъ довольныя лица.

Когда мы выходили изъ храма, то я слышала толки въ толпѣ! «Молода княгиня-краля, князь-то наче дідъ». Данила Петровичъ былъ очень молодцеватъ.

Въ домѣ, на порогѣ, Лукьяновна насъ осыпала хмѣлемъ. Насъ приняли съ образами и хлѣбомъ-солью и усадили, по обычаю, на папенькиной шубѣ, разостланной на диванѣ. Пили за здоровье, кричали «ура», «горько». Мы выходили нѣсколько разъ на крыльцо и кланялись собравшимся хуторянамъ, дівчатамъ и хлопцамъ, для которыхъ выставили боченокъ не то горѣлки, не то браги... Вечеромъ, въ саду зажгли фонарики, которые наклеили шафера— мои братья. Играла музыка (евреи изъ города, пять человѣкъ на скрипкахъ). Черезъ недѣлю мы уѣхали въ Лѣнчикъ, гдѣ меня тоже радушно встрѣтили пріѣхавшіе для привѣтствія молодыхъ родные моего мужа. Я недолго, впрочемъ, скучала по дому. Было лѣто. Стояла хорошая погода, и я сразу почувствовала себя самостоятельной хозяйкой, находила много дѣла. Мужъ мой, царство ему небесное, баловалъ меня, какъ родную дочку.

Въ 1833 году вышла замужъ за сосѣда по хутору сестра Клаша. Мужъ мой жестоко страдалъ въ то время ревматизмомъ и я не могла ѣхать на ея свадьбу. Въ слѣдующемъ году заболѣла маменька. Я поѣхала къ ней, нашла ее очень слабою. У нея былъ отекъ ногъ вслѣдствіе сердечной болѣзни. Она жестоко страдала и 23 мая скончалась. Пріѣхавъ въ Дубовички весною 1834 года, я уже не застала въ живыхъ Лукьяновну, которая постомъ скоропостижно умерла.

Пусто, уныло стало въ домѣ безъ хозяйки, тѣмъ болѣе, что тетя Глаша не долго пережила свою сестру. Братья всѣ были на госу-

дарственной службѣ, и къ оставшемуся совсѣмъ одинокому отцу переѣхала навсегда бездѣтная, незадолго передъ тѣмъ овдовѣвшая сестра Клаша.

Тяжело становилось на душѣ, когда вспомнишь про Дубовички Послѣ смерти отца, скончавшагося въ 1854 году хуторъ перешелъ къ братьямъ. Они сразу продали на срубъ лѣса и часть пахотныхъ земель. Усадьбу оставилъ за собой имѣвшій большую семью и служившій въ Петербургѣ старшій братъ, который иногда пріѣзжалъ одинъ на короткое время, пока однажды зимой отъ неосторожности сторожа (отъ слишкомъ жарко натопленной печи въ дѣвичьей, которую занималъ онъ съ женой, не сгорѣлъ нашъ домъ, дорогой воспоминаніями счастливаго дѣтства и веселой юности...

Въ апрѣлѣ 18.... года, похоронила я своего добраго друга и мужа Данила Петровича. Въ послѣдніе года онъ жестоко страдалъ отъ ревматизма и совсѣмъ не могъ ходить. Сидѣлъ въ креслѣ и я не отходила отъ него. Часто, видя мою усталость, онъ говорилъ:

— Прости меня, Груня, я измучилъ тебя. Ни свѣта, на радости не видѣла ты. Молодой вышла за старика. Ему ты жизнь усладила, а себя на муки обрекла.

Я успокаивала его, говоря «что замужъ итти меня никто не неволилъ, что я всегда любила его и цѣнила его ласки....»

Не стало его. Въ Лѣнчикѣ такъ тоскливо и пусто стало мнѣ, но я все-таки люблю его. Хочется мнѣ умереть въ немъ, чтобы быть похороненной здѣсь, рядомъ съ нимъ...

Въ концѣ 70-хъ годовъ мнѣ пришлось быть въ городѣ З. Я узнала, что бабушку Аграфену Львовну перевезла къ себѣ сестра ея Клавдія Львовна, которая всѣмъ говорила, что сестра ея стала все забывать, выжила изъ ума, что въ Лѣнчикѣ ее обираютъ и обкрадываютъ и могутъ даже убить, что, послѣ тщательныхъ уговоровъ переѣхать жить въ городъ, она послала свою прислугу на хуторъ къ Аграфенѣ Львовнѣ забрать ее и перевезти навсегда.

Дѣло было осенью. Аграфену Львовну, какъ передавали мнѣ, хитростью, забравъ самое необходимое, усадили въ бричку, но она всю дорогу протествовала, говоря: «верни, Савка, куда же ты везешь меня!»

Я нашла ее очень измѣнившейся. Она ничего не понимала, забыла даже имена наши, но все-таки весной приглашала въ Лѣнчикъ, говоря, что она проведетъ здѣсь только зиму.

Она не знала тогда, что родные постарались, признавъ ее неправоспособной и взявъ въ опеку, отдали Лѣнчикъ въ собственность одному изъ ея племянниковъ, любимцу и крестнику энергичной, рѣшительной Клавдіи Львовны.

Я тогда видѣла ее въ послѣдній разъ.

Она умерла весной въ Б., гдѣ тогда служилъ въ артиллеріи владѣлецъ Лѣнчика, похоронившій ее на городскомъ кладбищѣ, далеко отъ любимаго ею Лѣнчика, гдѣ такъ хотѣлось ей найти упокоеніе подъ высокою насыпью съ большимъ дубовымъ крестомъ, рядомъ съ горячо любимымъ мужемъ, котораго она не переставала оплакивать до самой кончины своей.

М. Марина.